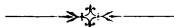

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ **В. Р. Розеномъ.**

ТОМЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.
1907 — 1908.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТАБЛИЦЪ И ОДНОГО ПОРТРЕТА).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лнн., № 12.
1908.

тахъ. Для занятій въ библіотекахъ при константинопольскихъ мечетяхъ требовалось разрѣшеніе турецкаго министерства народнаго просвѣщенія; благодаря любезности моего бывшаго слушателя В. М. Писарева, драгомана при Россійской Императорской миссіи, побѣдившаго вмѣстѣ со мной въ министерство, я не болѣе какъ черезъ полчаса послѣ прибытія въ это учрежденіе имѣлъ въ рукахъ необходимый документъ. Какъ въ этомъ случаѣ, такъ и при побѣздахъ по городу и его окрестностямъ мнѣ принесли существенную пользу указанія членовъ русскаго археологическаго института, особенно секретаря Р. Х. Ленера. Всѣмъ ориенталистамъ, работавшимъ въ Каирѣ, хорошо извѣстно, съ какой быстротой и готовностью въ библіотекѣ хедива, благодаря ея директору д-ру Б. Морицу, удовлетворяются всѣ просьбы ученыхъ.

В. Бартольдъ.

Февраль 1908 г.

Надписи на порталѣ мечети въ Мешед-и-Мисри́анъ ¹⁾.

Подъ именемъ «Мешед-и-Мисри́анъ» (по персидскому произношенію) или «Мешед-и-Местеріанъ» (а также «Мест-Дебранъ», «Мест-Доврантъ» и «Месторіанъ» по произношенію туркменъ) извѣстны развалины большого города, находящіяся въ Чикишлярскомъ приставствѣ Красноводскаго уѣзда, Закаспійской области. Онѣ лежатъ въ безводной и потому совершенно безплодной мѣстности, на пути отъ укрѣпленія Чатлы къ караванной дорогѣ, ведущей отъ Чикишляра къ ст. «Айдинъ», Средне-Азіатской желѣзной дороги.

Окружающая эти развалины мѣстность донинѣ сохранила слѣды былой культуры: съверо-западнѣ лежатъ развалины крѣпостей: Кызганчі и Гечи-Каласы, на югъ и вокругъ погибшаго города — остатки грандіозныхъ ирригаціонныхъ сооружений ²⁾.

Литература мало удѣляла вниманія этимъ, во всякомъ случаѣ въ вы-

1) Статья въ корректурѣ была просмотрѣна В. А. Жуковскимъ, которому принадлежатъ примѣчанія, отиѣченные инициалами В. ЖК.

2) Бывшій топографъ штаба 2-го Туркестанскаго армейскаго корпуса, капитанъ Г. Д. Лукинъ, показывалъ намъ составленный имъ подробный планъ оросительной системы Мешед-и-Мисри́анъ. Главною особенностью въ этой системѣ, судя по этому плану, являлся искусственно отведенный къ городу рукавъ р. Атрека, изъ котораго питались водою многочисленные арыки и кяризы. Ближайшее же разстояніе отъ развалинъ до р. Атрека не менѣе пятидесяти верстъ.

сокой степени интереснымъ, развалинамъ¹⁾, да и эти не особенно щедрыя описанія Мешед-и-Мисрианъ лишены того, что составляетъ душу каждаго изложенія, т. е. рисунковъ.

Настоящіе фотографическіе снимки съ наиболѣе интересныхъ развалинъ Мешед-и-Мисрианъ были сдѣланы и любезно подарены пишущему это Б. Н. Кастальскимъ²⁾. Послѣдній посѣтилъ эти развалины въ іюлѣ 1902 года и произвелъ при этомъ весьма цѣнныя съемочныя работы, опредѣляющія какъ расположеніе города и его цитадели, такъ и характеръ сооруженій послѣдней. Кромѣ того, Б. Н. Кастальскимъ было собрано на мѣстѣ развалинъ нѣсколько черепковъ глиняной и фаянсовой посуды весьма совершенной работы съ прекрасно сдѣланными надписями.

Отъ былого величія погибшаго города, какъ то можно судить по при-

1) Насколько намъ извѣстно, существуютъ слѣдующія описанія этихъ развалинъ:

Ломакинъ, генералъ. Осмотръ развалинъ древняго города Мешедъ-и-Местеріанъ. (Изв. Кавказскаго Отд. Имп. Р. Географ. Общ. Т. 4, № 1, стр. 15—17).

— Открытіе развалинъ древняго города Мешед-Местеріанъ, въ южной Туркменіи. (Газ. «Кавказъ», 1875 года, № 135).

Die Ruinen der alten Städte Meshed und Mesterian. Von Albin Kohn. («Globus», 1876, № 71).

Die Ruinen der Stadt Mestorjan in der Turkomanen-Steppe. Ins Deutsche übersetzt von General Lieutenant von Blaramberg. (Petermann's Geogr. Mittheilungen, 1876, Bnd. 22, № 1).

[Къ этому можно добавитъ:

Поручикъ Щетихинъ. Развалины древнихъ городовъ въ Средней Азіи. Местъ-Дювранъ. Укрѣпленіе Ташъ-Арватъ-Кала. Всемирная Иллюстрація 1876, № 374, стр. 183. (Къ описанію приложено на стр. 188 *семь рисунковъ*. Щетихинъ находился въ отрядѣ ген. Ломакина).

А. В. Комаровъ въ засѣданіи Восточнаго Отдѣленія Археологическаго Общества 25 февраля 1888 года, сообщая о древностяхъ Закаспійской Области, подробно говорилъ о развалинахъ Машъ-Джуранъ, иллюстрируя сообщеніе прекрасными фотографіями. Подробный отчетъ объ этомъ сообщеніи подъ заглавіемъ «Закаспійская Область въ археологическомъ отношеніи» былъ напечатанъ въ газетѣ «Повости» 1888 г. № 62 и 65 (= Туркестанскія Вѣдомости 1888 г. № 24, 25; нѣмецкій переводъ въ Petermann's Mittheil. 1889, VII, 158—163). В. Ж.].

Кромѣ того описаніе развалинъ Мешед-и-Мисрианъ имѣется у:

Conolly, A. Journey to the North of India, overland from England through Russia, Persia and Afganistan. Lond. 1838, vol. I, p. 76—77.

Кояшинъ, А. М. Разъясненіе вопроса о древнемъ теченіи Аму-Дарьи. (Зап. Имп. Русск. Географ. Общ. по общей географіи, т. XXXIII, № 1, стр. 152—153; съ приложеніемъ плана городища).

Бартольдъ, В. Историко-географическій обзоръ Ирана. СПб. 1903, стр. 82.

Вамбери, А. Путешествіе по Средней Азіи. Перев. съ англійскаго. СПб. 1865, стр. 53. [Reise in Mittelasien, Leipz. 1865, p. 83. В. Ж.].

2) Нынѣ начальникъ Самаркандской инженерной дистанціи.

лагаемымъ при семь фотографіямъ¹⁾, сохранилось въ сущности немного, да и это немногое сильно изуродовано и временемъ, и людьми. Тѣмъ не менѣе эти руины все же имѣютъ нѣчто, проливающее нѣкоторый свѣтъ на далекое прошлое этихъ сравнительно мало извѣстныхъ развалинъ. Это «нѣчто»—остатки надписей. Намъ удалось пока дешифрировать надписи на остаткахъ портала соборной мечети. Вверху надъ серединою портала сохранилось

..... بنى هذا الطاق (ق)

т. е. «построилъ эту арку».... Вдоль обѣихъ сторонъ портала шелъ весьма изящный орнаментъ, между рядами котораго находилось по полосѣ кувическихъ буквъ; послѣднія своимъ начертаніемъ строго гармонировали съ обрамлявшимъ ихъ орнаментомъ, причемъ концы начальныхъ и конечныхъ буквъ составляютъ какъ бы продолженіе находящагося надъ ними крестообразнаго орнамента. Начинаясь вмѣстѣ съ орнаментомъ, надписи, какъ то можно судить по фотографіямъ, загибались затѣмъ вверху подъ острымъ угломъ и шли параллельно вдоль паранета портала.

Надпись на правой сторонѣ,—если стать лицомъ къ portalу, — читается:

بسم الله يا ايها الذين امنوا اذا نودى للصلاة من يوم الجمعة
فاسعوا الى ذكر الله وذرو البيع ذلكم²

Это кораническій стихъ (девятый изъ 62-й суры), сохранившійся здѣсь не полностью, въ переводѣ означаетъ:

«Во имя Бога. О вы, вѣрующіе, когда позовутъ на молитву въ день собранія, спѣшите къ словословію Бога, оставивъ куплю. И это»...

На лѣвой сторонѣ сохранилось:

.... علاء الدّنيا والدين غياث الاسلام والمسلمين ظلّ الله في
العالمين سلطان (sic) محمد ابن السلطان. نكش برهان امير المؤمنين

т. е. «величіе міра и вѣры, защита ислама и правовѣрныхъ, тѣнь Бога въ мірахъ, султанъ Мухаммедъ, сынъ султана Текеша, аргументъ (въ рукахъ) повелителя правовѣрныхъ»³⁾.

1) Въ редакцію «Зап. Вост. Отд.» было доставлено, вмѣстѣ со статьей, семь фотографическихъ снимковъ. По недостатку денежныхъ средствъ, редакція была вынуждена ограничиться помѣщеніемъ только одного изъ нихъ, гдѣ изображены башни портала съ надписью, въ которой упоминается имя султана.

2) Не достаетъ خير لكم ان كنتم تعلمون (лучшее для васъ, если бы вы знали).

3) Эта надпись, повидимому, представляетъ продолженіе надписи, бывшей надъ аркою портала... بنى هذا الطاق.

Эта строка, слѣдовательно, заключала «тарихъ», или дату, обозначающую, когда и кѣмъ было построено зданіе. Султанъ Мухаммедъ, сынъ султана Текеша, тотъ злополучный харезмъ-шахъ († 1220 г. по Р. Х.), обширное и цвѣтущее государство котораго было разрушено монголами Чингиза. Упоминаемымъ же здѣсь «повелителемъ правовѣрныхъ», въ такомъ случаѣ, является аббасидскій халифъ Насиръ, за котораго, не смотря на извѣстную вражду его къ султану Мухаммеду, все же всюду въ Трансоксаніи и Хорасанѣ молились какъ за «владыку правовѣрныхъ», духовнаго главу тогдашняго исламскаго міра.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ развалинъ мечети стоятъ двѣ высокія башни, скорѣе всего минареты. На вершины ихъ ведутъ лѣстницы. Обѣ онѣ сильно пострадали и неизвѣстно отъ чего больше: отъ времени ли, или отъ рукъ человѣческихъ. Верхъ обѣихъ башенъ окаймлялся широкой лентой весьма извѣстной орнаментаціи, основнымъ мотивомъ которой является всѣмъ извѣстная *свастика*. Кромѣ того, на одной изъ башенъ сохранились арабскія надписи, окаймлявшія ее снизу, по срединѣ и на верху. Нижняя и верхняя каймы этихъ надписей почти совсѣмъ уничтожены; сохранилась лишь средняя, которая читается такъ:

بسم الله الرحمن الرحيم بركة من الله مآ امر به ابو جعفر
احمد بن ابي الاغر صاحب الرباط اعزه الله عمل على ربا (?)

т. е. Во имя Бога милостиваго и милосерднаго, — благословеніе отъ Бога. Эту (постройку) приказалъ (воздвигнуть) Абу-Джа'фар-Ахмедъ, сынъ Абул-Агарра, владѣтель сего пограничнаго укрѣпленія¹⁾, да возвеличить сго Богъ. *Работалъ Аліи . . . (?)*²⁾.

Масса черепковъ битой посуды и кирпичей, валяющихся подлѣ всѣхъ этихъ развалинъ, при полной безотрадности и запустѣніи окружающей мѣстности, невольно вызываютъ въ памяти латинское изреченіе: *sic transit gloria mundi*.

А. Семеновъ.

1) [О такомъ значеніи термина «рабатъ» (собств. «рибатъ») см. слова Сам'ани (В. Бартольдъ, Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія, ч. I, стр. 57). Ред.].

2) [Надписи эти изданы въ Протоколахъ Засѣданій Туркестанскаго Кружка Любителей Археологій (годъ одиннадцатый), въ засѣданіи котораго 20 Окт. 1906 г. А. А. Семеновъ сдѣлалъ докладъ о развалинахъ Мешеди-Мисрианъ, стр. 26. В. Ж.].

Табл. IV.

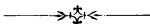
Т. 1. Табл. IV. Дворец.
Лит. В. Иерусалим 22

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ **В. Р. Розеномъ.**

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.
1913 — 1914.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ДВУХЪ ТАБЛИЦЪ И СЪ ДВУМЯ РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ).

ПЕТРОГРАДЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вос. Остр., 9 лнп., № 12.
1915.

Шейхъ Джелâл-уд-Дîn-Рûмî по представленіямъ шугнанскихъ исмаилитовъ¹⁾.

Столь знаменитый на мусульманскомъ Востокѣ «Соловей созерцательной жизни», шейхъ Джелâл-уд-Дîn-Рûмî, пользуется одинаковой популярностью, какъ среди правовѣрныхъ послѣдователей сунны и схизматиковъ-шіитовъ, такъ и у послѣдователей одного изъ еретическихъ толковъ ислама, восточнаго исмаилизма, пасажденнаго «пиромъ Кухистана», Насыр-и-Хосровомъ, среди иранскихъ народностей сѣверныхъ склоновъ Гиндукуша. При этомъ характерно то обстоятельство, что восточные исмаилиты (вѣрнѣе, шугнанскіе, ибо здѣсь идетъ рѣчь только о нихъ) выдвигаютъ *свою* біографію Джелâл-уд-Дîn-Рûмî, мало похожую на общепризнаваемую, при чемъ самымъ любопытнымъ эпизодомъ въ ней является встрѣча шейха съ извѣстнымъ Шемс'омъ Тавриазскимъ, излагаемая съ особымъ специфически-исмаилитскимъ оттенкомъ.

Общезвѣстная біографія шейха Джелâл-уд-Дîна, приводимая въ различныхъ сочиненіяхъ о немъ мусульманскаго Востока, сводится къ слѣдующему.

Его отецъ, шейхъ Бехâ-уд-Дîn-Мухаммед-бен-Хусейн-бен-Ахмед-ул-Хатібій-ул-Балхî, носившій также прозвище «Веледъ» (ولر), велъ свой родъ отъ халифа Абу-Бекра и потому назывался также Бекрî (البكرى). По своей матери онъ былъ въ родствѣ съ харезмшахами, ибо мать его была дочерью султана 'Алâ-уд-Дîn-Мухаммеда²⁾.

1) Статья, съ согласія автора, проредактирована для печати В. В. Бартольдъ, которому принадлежатъ заключенныя въ квадратныя скобки [] примѣчанія.

2) *نجات الانس من حضرت القدس* См. 'Абд-ур-Рахмâна Джâми. Калькутта. 1858 (подъ ред. W. Nassau Lees'a), стр. 529, и принадлежащій мнѣ списокъ того же труда, сдѣланный въ 1273/1856 г. рукою извѣстнаго ташкентскаго суфія муллы Мірзы, сына Бабâ-Джâн-Бая, съ многочисленными пояснительными примѣчаніями на поляхъ, листъ 301. [نجات الانس], константинопольское литогр. изд. 1289 г., стр. 298. Ср. также біографію Джелâл-уд-Дîна въ *Grundriss der iran. Phil.* II, 287. Въ *نجات* 'Алâ-уд-Дîn-Мухаммедъ названъ «сыномъ харезмшаха», какъ называетъ себя на монетахъ уже отецъ Мухаммеда Текешъ, при которомъ династія харезмшаховъ сдѣлалась независимой, и титулъ харезмшаха былъ замѣненъ болѣе высокимъ титуломъ султана].

Бехъ-уд-Дин-Веледь былъ выдающимся человекомъ своего времени и величайшимъ авторитетомъ во всѣхъ обыкновенныхъ (внѣшнихъ) и тайныхъ (мистическихъ) наукахъ, такъ что въ Балхъ, гдѣ онъ жилъ, ему присылался на разрѣшеніе труднѣйшіе юридическіе вопросы со всего Хорасана. Онъ получалъ опредѣленное жалованіе изъ суммъ государственнаго казначейства и «никогда не завладѣлъ ничѣмъ изъ вакуфовъ»¹⁾; давалъ также ежедневно уроки, онъ находилъ время и для различныхъ собесѣдованій послѣ намаза съ окружавшими его лицами. Джелал-уд-Дин-Мухаммедъ-хареzmшâхъ²⁾ изъ всѣхъ его учениковъ былъ самымъ ревностнымъ и часто его посѣщалъ, а славнѣйшимъ изъ всѣхъ другихъ его учениковъ былъ Сейид-Бурхъан-уд-Дин-Термезі, великій подвижникъ и аскетъ³⁾, жизнь котораго довольно тѣсно связана съ сыномъ Бехъ-уд-Дина, Джелал-уд-Дин-Мухаммедомъ. Послѣдній родился въ Балхѣ въ 604/1207 году и на первыхъ порахъ своей молодой жизни имѣлъ наставникомъ и духовнымъ руководителемъ своего отца Бехъ-уд-Дина, который затѣмъ поручилъ своего сына Сейид-Бурхъан-уд-Дину. Молодой Джелал-уд-Динъ, которому послѣдній былъ вторымъ отцомъ, прошелъ подъ руководствомъ его сложный курсъ суфійскаго самоусовершенствованія и изученія тайныхъ наукъ, столь необходимыхъ для познанія Предвѣчной Истины. Переживъ плотскаго отца

1) Повидимому, и въ то отдаленное время, какъ и теперь въ Средней Азій, это считалось идеаломъ честности.

2) [Такъ называется его Фаяки, авторъ مناقب العارفينъ (объ этомъ сочиненіи см. ниже), явно смѣшивающій въ своемъ разсказѣ хареzmшâхъ 'Алâ-уд-Дина-Мухаммеда (1200—1220 по Р. Хр.) при которомъ произошло нашествіе Чингизъ-хана, съ его сыномъ Джелал-уд-Диномъ (1220—1231). По представленію Фаяки, 'Алâ-уд-Динъ, тесть Бехъ-уд-Дина, былъ ядлей Джелал-уд-Дина].

3) Онъ носилъ пышный суфійскій титулъ زبدة الاوكيا والحققينъ. تاج الاوليا والعارفينъ ترجمان اسرار الناسوتية شارح رموز الالوهية فخر المحمديين عارف كامل مدقق والعارفين ترجمان اسرار الناسوتية شارح رموز الالوهية فخر المحمديين عارف كامل مدقق. *ترمیزی*, какъ *ترمیزی*, относительно произношенія *иниб* *термезі*, должнъ замѣтить, что слово *Термезъ* употребляется нынѣ всѣми туземцами, какъ населяющими это поселеніе, такъ и окрестными жителями, бухарско- и авганско-подданными, не исключая и салаватскихъ ходжей (Салаватъ или, вѣрнѣе, Салихъ-Аббâдъ—лежащее близъ Термеза селеніе, обитатели котораго считаютъ себя прямыми потомками правителей до-монгольскаго Термеза и сейдами). Хотя справедливость требуетъ сказать, что дальше отъ Термеза, напримѣръ въ Келифъ и вообще ниже по Аму-Дарьѣ, очень часто слышится и названіе *Тармизъ*. Въ этомъ мѣстѣ, между прочимъ, лично пришлось убѣдиться во время побѣдокъ по поселеніямъ, лежащимъ по Аму-Дарьѣ. Въ литературѣ для гласнаго звука втораго слога почти всегда указывается произношеніе *и* (безъ долготы); о гласномъ звукѣ перваго слога ср. слова автора XII вѣка ас-Сам'ани: *كيفية في كيفة والناس مختلفون* (sic) *ببقطة بنقطتين من فوق وبعضهم يقول بكسرها هذه النسبة بعضهم يقول بفتح التاء المنقوطة بنقطتين من فوق وبعضهم يقول بكسرها والمتداول على لسان ذلك البلدة وكنت اقيمت بها اثني عشر يوما فتح التاء والذي كنا نعرفه قديما فيه كسر التاء والهم جميعا والذي يقولون المفتون (sic) واهل المعرفة* (The Kitâb al Asâb reproduced in facs. from the ms. in the Brit. Mus. add. 23355, «E. J. Gibb Memor.» series, p. 105b; В. Бартольдъ, Туркестанъ, ч. I, стр. 55; также Якутъ, I, 843).

Джелал-уд-Дйна, Бурхан-уд-Динъ скончался въ томъ Румѣ¹⁾, гдѣ нашель себѣ второе отечество его гениальный духовный сынъ.

Не смотря на свою славу и почетъ въ родномъ Балхѣ, Бехâ-уд-Динъ Веледъ вынужденъ былъ его покинуть по слѣдующему случаю. Однажды его высокій мюридъ, султанъ Джелал-уд-Динъ, пришелъ къ нему съ своимъ наставникомъ, имамомъ Фахр-уд-Динъ-Рâзî²⁾, послушать его поученія. Въ срединѣ своего слова Бехâ-уд-Динъ сталъ обличать ученіе греческихъ философовъ и, между прочимъ, сказалъ: «всѣ небесныя книги нынѣ забросилп пзучать, а устремились на изученіе философскихъ сочиненій. На какое же спасеніе надѣются (благодаря этому)?» Имамъ Фахр-уд-Динъ принялъ это на свой счетъ³⁾ и рѣшилъ внушить султану Джелал-уд-Дину, что Бехâ-уд-Динъ колеблеть въ народѣ вѣру въ него, по долго не имѣлъ подходящаго случая убѣдить въ этомъ султана.

Однажды послѣдній вмѣстѣ съ Фахр-уд-Диномъ посѣтилъ Бехâ-уд-Дйна и увидѣлъ его окруженного множествомъ людей, которыхъ онъ поучалъ. Обратясь къ Фахр-уд-Дину, султанъ замѣтилъ: «какое множество людей собралось!». Воспользовавшись этимъ, Фахр-уд-Динъ сказалъ: «если не принять мѣръ къ предотвращенію подобныхъ сборищъ, то я боюсь, какъ бы не рушились устои государства».

1) Въ 645/1247 г. и похороненъ въ Кайсаріи (см. Oriental Biograph. Dictionary, by Th. W. Beal. New. ed. rev. and enl. by H. G. Keene. Lond. 1894; p. 112). Почему именно Бурхан-уд-Динъ не покидалъ до самой своей смерти Джелал-уд-Динъ-Румî, существуетъ слѣдующій разсказъ, приводимый въ цитируемой рукописи (о ней см. ниже), изъ которой нами черпаются настоящія біографическія данныя. Когда умиралъ отецъ Джелал-уд-Дйна, Бехâ-уд-Динъ, Сейидъ Бурхан-уд-Динъ былъ въ это время въ далекомъ Термезѣ. Когда онъ получилъ извѣстіе о смерти своего учителя, то въ горести сѣлъ на кучѣ золы и «въ теченіе цѣлаго года таялъ, какъ свѣча, въ разлукѣ съ нимъ» (وَمَدَّتْ يَكُ سَالَ تَمَامَ دُرْفَرَاقِ). Однажды ночью ему приснился Бехâ-уд-Динъ, который съ чрезвычайнымъ гнѣвомъ замѣтилъ ему (از سر خَدَّتِ تَمَامِ مِیْغَرْمُودِ): «Бурхан-уд-Динъ, почему ты оставилъ Мухаммеда одного и дѣлаешь упущеніе въ обереганіи его?». Въ испугѣ проснулся Бурхан-уд-Динъ и поспѣшилъ въ Конію къ Джелал-уд-Дину. [Въ петербургской рукописи здѣсь, повидимому, пропускъ, между л. 13 и 14]. Джамî въ النجات الانسî приводитъ въ коротенькой біографіи Сейидъ-Бурхан-уд-Дйна другой вариантъ того же разсказа. Въ тотъ день, когда отецъ Джелал-уд-Дйна умеръ, Бурхан-уд-Динъ, сидѣвшій въ Термезѣ въ обществѣ нѣсколькихъ человекъ, воскликнулъ: «Увы! учитель и духовный руководитель [шейхъ] мой ушелъ изъ этого міра!» И, спустя нѣсколько дней, онъ отправился изъ Термеза въ Конію для руководительства духовнымъ воспитаніемъ. [въ подлинникѣ: بِتَرْجِیْتِ] Джелал-уд-Дйна. См. вышеназванное печатное изданіе النجات, стр. 529—530 и рук. листъ 302. [Констант. изд., стр. 298 и слѣд.].

2) Род. въ Реѣ 25-го рамадана 543 г. (7 февраля 1149), умеръ въ Гератѣ 1 шевваля 606 г. (29 марта 1210); славился, какъ выдающійся ученый. [Ср. перечисленіе его трудовъ у С Brockelmann, Geschichte der Arab. Litt., I, 506—508].

3) [По петербургской рукописи مناقب العارفين, л. 46, Бехâ-уд-Динъ постоянно и открыто обличалъ харезмшаха и его наставника Фахр-уд-Дйна Рâзî, какъ виновниковъ пошества (مبتدعان). Флаки относятъ эти событія къ 605 (1205-9) г.].

Подвергшись изгнанию, Бехъ-уд-Динъ покинулъ Балхъ съ своими учениками и малолѣтнимъ сыномъ¹⁾ и сталъ переходить изъ одного города въ другой. Хотя его всюду встрѣчали съ большимъ почетомъ и уваженіемъ, но тѣмъ не менѣе онъ ни въ одномъ изъ городовъ Хорасана не остался на житье. Путешествуя такимъ образомъ, онъ дошелъ до Багдада²⁾. Здѣсь вскорѣ распространилась молва о его выдающихся качествахъ и даже чудесахъ и, какъ въ Балхѣ, къ нему стали стекаться сильные и великіе міра послушать его поученія и толкованіе шарі'ата. Слава Бехъ-уд-Дина росла все больше и больше и, наконецъ, достигла до Рума, гдѣ тогда правилъ сельджукскій султанъ 'Ала-уд-Дин-Кейкубъдъ³⁾. Нѣкоторые изъ его царедворцевъ, будучи въ Багдадѣ, принесли султану извѣстіе о необыкновенной личности Бехъ-уд-Дина. Заинтересованный ихъ разказами, султанъ сталъ думать о свиданіи съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ. Тѣмъ временемъ Бехъ-уд-Динъ отправился изъ Багдада въ Хиджазъ, а оттуда—въ Сирію. Придя потомъ въ городъ Арзенджанъ, онъ остановился въ дервишскомъ общежитіи (خانقاه), построенномъ Тадж-и-Мелек-Хатунъ, теткою по отцу султана 'Ала-уд-Дина. Здѣсь его просили было остаться, но онъ не согласился и, выйдя изъ Арзенджана, пришелъ въ Акъ-Шехръ, гдѣ и проведъ зиму⁴⁾. Отсюда Бехъ-уд-Динъ направился въ Румъ⁵⁾. Узнавъ о его приближеніи, султанъ 'Ала-уд-Динъ со своими приближенными поспѣшилъ къ

1) [По Эфляки, съ двумя сыновьями; Джелал-уд-Дину было 5 лѣтъ, его брату 'Ала-уд-Дину Мухаммеду 7 лѣтъ. Отвѣздъ описывается у Эфляки съ большими подробностями, но весь разсказъ объ изгнаніи носитъ явно-легендарный характеръ; между прочимъ, говорится, что шейхъ предсказалъ харезмшаху, что его царство будетъ уничтожено татарами, а самъ онъ погибнетъ отъ руки румскаго султана].

2) [Пребываніе Бехъ-уд-Дина въ Багдадѣ также описывается у Эфляки очень подробно. Между прочимъ, говорится, что шейхъ еще не успѣлъ выѣхать изъ Багдада (въ Мекку), какъ пришло извѣстіе о взятіи Балха Чингизъ-ханомъ. Монгольское войско состояло изъ 500.000 человѣкъ; при осадѣ города погибъ сынъ Чингизъ-хана Тули-ханъ (!), за что городъ былъ разрушенъ до основанія. Дальше сказано, что Чингизъ-ханъ умеръ въ 614 г. (ошибка вмѣсто 624), что ему наследовалъ его сынъ اوگتای, что въ Румѣ въ 616 г. вступилъ на престолъ султанъ 'Ала-уд-Динъ Кейкубъдъ, что харезмшахъ Джелал-уд-Динъ, бѣжавшій отъ монголовъ, осадилъ городъ Ахлатъ; здѣсь противъ него выступилъ румскій султанъ вмѣстѣ съ Ашрафомъ сирійскимъ и нанесъ ему поражение; Джелал-уд-Динъ былъ взятъ въ плѣнъ и убитъ кудрами. Изъ всѣхъ этихъ разсказовъ ясно видно, что Эфляки соединяетъ въ одно лицо харезмшаха Джелал-уд-Дина и его отца].

3) Сынъ Гіас-уд-Дина Кейхосрова, наследовавшій своему брату Кейкаусу (607/1211 г.—616/1219 г.) и правившій съ 616/1219—634/1237 г.

4) [Петербургская рукопись العارفینъ объ остановкѣ въ общежитіи не упоминаетъ; говорится, что для шейха была выстроена медреса въ Акъ-Шехрѣ, гдѣ онъ прожилъ четыре года].

5) [По петерб. рукописи (л. 7⁶) сначала въ городъ لارندہ, въ окрестностяхъ Коніи, гдѣ для него была устроена медреса и гдѣ онъ прожилъ 7 лѣтъ или больше; здѣсь же за Джелал-уд-Дина была выдана дочь شرف الدین لالای سمرقندی, отъ которой въ 623 г. родились سلطان ولد الدین].

нему на встрѣчу и съ большимъ почетомъ ввелъ его въ городъ (Конію), причемъ даже нѣкоторое время шелъ пѣшкомъ возлѣ стремени Бехъ-уд-Діна¹⁾.

Въ 628 (1230—1231) Бехъ-уд-Динъ скончался въ Коніи и тамъ же погребенъ. Его сынъ Джелал-уд-Динъ, продолжая идти проторенною дорогою созерцательной жизни, преуспѣвалъ въ суфизмѣ и въ изученіи наукъ внѣшнихъ и тайныхъ. Въ 642 г. въ Конію появился суфій Шемс-уд-Дин-Мухаммед-бен-‘Алій-бен-Меликдâд-Тебризій, болѣе извѣстный подъ своимъ обычнымъ прозвищемъ Шемс-и-Тебризій. Его духовными наставниками называютъ то одного, то другого, то, наконецъ, третьяго изъ шейховъ, но, повидимому, онъ былъ мюридомъ каждаго изъ нихъ и у каждаго поучался въ стадіяхъ духовной жизни. Въ концѣ концовъ онъ сталъ странствующимъ дервишемъ; одѣтый въ черную кошму, онъ переходилъ съ одного мѣста на другое, всегда останавливаясь въ караванъ-сараяхъ. Такъ онъ добрался до Коніи, гдѣ и произошла его встрѣча съ Джелал-уд-Динъ. Подробности ихъ перваго свиданія описываются въ различныхъ вариантахъ; одинъ изъ нихъ, имѣющій отношеніе къ нашей темѣ, слѣдующій.

Прибывъ въ Конію, Шемс-и-Тебризій посѣтилъ Джелал-уд-Діна въ то время, когда тотъ, окруженный своими учениками, сидѣлъ подлѣ бассейна съ водою и давалъ имъ урокъ. Подлѣ него лежало нѣсколько книгъ. Дервишъ спросилъ Джелал-уд-Діна, что это за книги? — «Такъ, разные сочиненія. Какое тебѣ до нихъ дѣло?» (این را قبل و قال میگویند ترا با این چه کار)

1) Все это взято изъ принадлежащей мнѣ рукописи, писанной въ 1112/1700—1701 г. посредственнымъ, хотя и четкимъ, средне-азиатскимъ та’ликомъ типа «молазай» (مقامات) (سلطان العلماء حضرت مولانا رومی صاحب قیومی) листы 2—5, 50—51). Начало ея послѣ *بسم الله* сразу: *قسم اول و این مشتمل است بر دو فصل فصل اول در اسناد و خرقه*; *و ثلثین ذکر پدر و خداوندگار مولانا سلطان العلماء بهاء الدین ولد محمد حسین ابن احمد الخطیبی البکری*.

Судя по описаніямъ Ch. Rieu (Cat. of the Pers. Mss. in Brit. Mus. T. I Lond. 1879; pp. 344—345) и E. Blochet (Cat. des Mss. Pers. de la Bibl. Nat., T. I Paris 1905; pp. 264—265) списокъ труда *مناقب العارفين*, составленнаго Шемс-уд-Дин-Ахмедомъ Эфлякѣ (افلاکی) и заключающаго жизнеописанія Джелал-уд-Діна, его отца, его учителей, друзей и послѣдователей, названная рукопись, повидимому, тождественна съ этими списками; разница, вѣроятно, лишь въ началѣ и въ распредѣленіи главъ, порядокъ которыхъ въ моей рукописи другой. Попутно скажу замѣтить, что Blochet называетъ «термезскаго мистика» Бурхъ-уд-Діна — el-Tébrizi; возможно, что въ описываемомъ имъ списокѣ *مناقب العارفين* Національной Библіотеки такъ и написано, однако несомнѣнно, что этотъ шейхъ былъ именно *الترمیزی*, какъ это значится у Rieu, въ моей рукописи и у всѣхъ извѣстныхъ мнѣ восточныхъ авторовъ, писавшихъ о Джелал-уд-Динѣ. (Собственно *الترمندی*; такъ правильно у Rieu и въ петербургской рукописи).

Трудомъ *افلاکی*, между прочимъ, пользовался англійскій ориенталистъ Редхаузъ (J. W. Redhouse) для своей книги «The Mesnevi of Jelalu-d-Din Muhammed-er-Rumi» изд. въ 1881 г. въ Лондонѣ (ч. I-ая). [Рукопись, не совсѣмъ полная (недостаетъ начала), есть и въ Петербургѣ, въ Имп. Публ. библіотекѣ—Ханыковъ 103 (Mél. Asiatiques V, 250); въ ней есть имя автора (احمد افلاکی), дата составленія (718 г. х.); самый списокъ относится къ 1058=1648 г.].

отвѣчалъ тотъ (и, повидимому, съ пренебреженіемъ къ оборванцу). Шемс-и-Тебризіи взялъ ихъ и всѣ побросалъ въ воду. Увидѣвъ это, Джелал-уд-Динъ съ чрезвычайнымъ огорченіемъ воскликнулъ: «что ты сдѣлалъ, дервишъ? Нѣкоторыя изъ этихъ книгъ заключали сочиненія моего досточтимого родителя и снова достать ихъ невозможно!». Шемс-и-Тебризіи, видя волненіе Джелал-уд-Дина, опустилъ руку въ бассейнъ и повытаскалъ всѣ книги одну за другою, при чемъ всѣ онѣ оказались въ своемъ прежнемъ состояніи, т. е. вода не оставила на нихъ никакого слѣда. — «Въ чемъ же тайна сего?» спросилъ удивленный Джелал-уд-Динъ. — «Это есть «халь». Что ты знаешь о немъ?» отвѣтилъ Шемсъ (این حالت ترا از ابن چه خبر). Съ этого момента Джелал-уд-Динъ сталъ ревностнымъ послѣдователемъ послѣдняго¹⁾.

Такова наиболѣе существенная часть обычной, трактуемой обще-мусульманскими источниками, біографіи нашего шейха²⁾.

Иначе все это излагается у шугианскихъ исмаилитовъ, которые высоко почитаютъ какъ шейха Джелал-уд-Дина, такъ и Шемса Тавризскаго, считая и того, и другого своимъ. При чемъ, въ своихъ разсказахъ о Джелал-уд-Динѣ и его встрѣчѣ съ Шемс-и-Тебризіи одинаковы послѣдователи обоихъ исмаилитскихъ толковъ: «тараттубія» (ترتیبیه) и «раушанія» (روشنیه)³⁾.

1) См. نجات الانس печатн. изд. стр. 535—539. [констант. изд., стр. 304] и рук. листы 306—308, и основанныя, въ большинствѣ, на этомъ трудѣ упоминанія въ خزینة الاصغیاء, состав. Гулям-Мухаммед-б. Муфти-Рахым-Улла-Курайшій-Асад-ул-Хашимій-ул-Тадори. Каунпоре, 1312/1894; т. 2-ой, стр. 268—270; سفینة الاولیاء сост. Мухаммед-Дар-Шекхъ (братъ «великаго могола» Аурангзебъ). Каунпоре, 1301/1884 г.; стр. 179; حبیب السیر Хондемира. Тегеранъ, 1271/1854—1855; 3-й т., стр. 40; حذیقة الاقالب, сост. Муртаза-Хусейнъ по прозванію Алла-Ир-Османій-Бельграми. Лукновъ, 1296/1879; стр. 308—309; هفت اقلید сост. Амин-Ахмед-Рази. Рук. Турк. Пуб. Библ. по кат. Е. Каля подъ № 49, листы 198—199; تذکرة الشعراء دولت Шаха Самаркандскаго, Бомбей, 1318/1901 г., стр. 55—59 [изд. Броуна, стр. 192—201]; آتش کده آخر لیتе-Али-Бека Исфоганскаго, Бомбей 1299/1881 г., стр. 322—325; مفتاح التواریخ, стр. 64; مجالس العشاق Султанъ-Хусейна, с. Султанъ-Мансура, сына Байкары, с. 'Омаръ-Шейха, с. Тимура. Каунпоре. 1314/1897 г., стр. 106—110 и 117—119 и دیوان حضرت شمس تبریزی. Каунпоре. 1326/1908 г., стр. 433—435; مجالس المومنین, тегер. литогр. изд. 1268 г., л. 142^a и слѣд. Европейская литература о шейхѣ Джелал-уд-Динѣ указана въ его біографіи, помѣщенной въ недавно-законченномъ первомъ томѣ «Encyclopaedie des Islam», стр. 1048—1049.

2) [Годъ смерти Джелал-уд-Дина — 672=1273].

3) Въ дополненіе къ тому, что мною говорилось вообще о вѣрованіяхъ шугианскихъ исмаилитовъ («Изд. обл. религ. вѣров. шугианскихъ исмаилитовъ», «Міръ Ислама» за 1912 г., стр. 523—561), позволю себѣ привести здѣсь въ оригиналѣ, по-персидски, объясненіе разницъ этихъ толковъ. Это объясненіе было написано для меня, съ разрѣшенія одного изъ пировъ, изыщнымъ наста'ликомъ и доставлено съ Намировъ; оно гласитъ слѣдующее (сохраняю правописаніе подлинника): ذکر در فرق میان اسماعیلی که بعضی خود را اهل ترتیب وبعضی اهل وحدت میگویند و روشنی هم میگویند و لهذا این لقب روشنی از کتاب نیست مگر در کلام معجز نظام جعفر صادق این اشاره است چون بحث شود میان مردم اسماعیلی در آن وقت تلفظ میگویند مثلا میگویند که راه روشن و راست این است که ما گرفته ایم بدان سبب خود را نام روشنیان می نامند و فرق در میان این

Нижеприводимое записано мною со словъ одного хорошо грамотнаго исмайлита изъ окрестностей селенія Поршинявъ на Пянджѣ (по нѣкоторымъ основаніямъ я не привожу его имени), сына самаго ученаго человѣка во всемъ Шугнанѣ, по происхожденію «ша» (شه). Это же слово, по объясненію всѣхъ знакомыхъ мнѣ исмайлитовъ, присоединяясь къ именамъ лицъ, указываетъ на ихъ происхожденіе отъ пророка и равнозначуще арабскому *سید*, каковое слово въ Шугнанѣ не употребительно, за исключеніемъ пировъ: послѣдніе, случается, прибавляютъ къ своимъ именамъ и *سید*, и *شه* вмѣстѣ.

На мои же распросы, не означаетъ ли это слово представителей родовитыхъ семей, предки которыхъ были владѣтельными и вообще знатными лицами въ странѣ, мнѣ отвѣчали отрицательно и поясняли, что потомки такихъ лицъ присоединяютъ къ своимъ именамъ слово *خان* или *بك*.

«Шейхъ Джелал-уд-Динъ (Шайхъ Джалол-ад-Дин) родился въ Балхѣ и былъ суннитомъ отъ рожденія. Его отецъ Бехâ-уд-Дин-Веледъ (Bahô-ад-Дин-Валъад) былъ однимъ изъ шейховъ *тасаввуфъ* (тасаввуф) и являлся первымъ руководителемъ сына; по смерти его наставникомъ Джелал-уд-Дина былъ шейхъ Бурхан-уд-Динъ (Бурхон-ад-Дин). Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ духовнаго руководства пиръ нашелъ, что его ученикъ въ смыслѣ постиженія тайнъ *тасаввуфъ* сравнялся съ нимъ, и потому направилъ Джелал-уд-Дина въ Конію (конія), въ Румъ (рум), къ тамошнимъ шейхамъ для дальнѣйшаго усовершенствованія въ *тасаввуфъ*. Прибывъ въ Конію, Джелал-уд-Динъ поселился тамъ. Въ это время Конію посѣтилъ Шемс-и-Тебризі (Шамс-и-Тавризі), исмаилитскій проповѣдникъ и «худжжеть» (хуццат) исмайлитакаго имама Мустансыр-и-Йфâ (مستنصر ايفاء по правописанію

چندان بسیار نیست زیرا که يك مذهب وبك آئين است مگر يك حرف است فقط انشاء الله بيان فوايد اين است که بعضی ميگویند که امام بمنزلۀ آفتابست وحجت بمرتبۀ ماه واقتاب هيچ وقت زوال پذير نیست وماه هم زوال ندارد اگرچه در میان دو هفته تمام بدر شود وباز در دو هفته هلال شود اما زوال آنست که مثلاً در دو هفته با يك ماه تمام ماو تاب نباشد و حال آنکه مهتاب همیشه هست فقط ديگران ميگویند که اين خلافست زیرا که حجت به اختيار امام هست نه امام به اختيار حجت اگر ميخواهد حجت را آشکار میکند و اگر نخواهد نه حالا درين وقت حضرت آغاى خان امام زمان هم امامست وهم حجت دليل ديگر در باب طهارت چون طهارت را بدو دست بآب صاف میکنند اين است که دست راست بمرتبۀ امام است ودست چپ بمنزلۀ حجت وآب صاف دليل است بر علم معرفت امام و چون کسي را دست چپ داد کند يا بريده شود او می تواند بدست راست هم طهارت کند وهم طعام بخورد پس همچنين درين از حضرت آغاى خان کسی بمرتبۀ حجتى تعيين نشده وما از دليل کلام رهسپران اين کيش دو دليل روشن است ومايانرا لايد است که بغرمان امام زمان رويم و سهپران اين کيش دو دليل روشن است و مايانرا لايد است که بغرمان امام زمان رويم فقط (شماله ليوئم)، принадлежащимъ къ толку «раушанія».

разказчика¹⁾. Совершенно случайно, что называется, «краем уха», Джелал-уд-Динъ услышалъ нѣсколько фразъ, сказанныхъ Шемс-и-Тебризіи относительно исмаилизма и очень заинтересовался этимъ ученіемъ. Выбравъ удобное время, Джелал-уд-Динъ пришелъ къ Шемс-и-Тебризіи и сталъ просить его, чтобы тотъ принялъ его въ число своихъ учениковъ и ознакомилъ съ сущностью исмаилизма. Выслушавъ эту просьбу Шемс-и-Тебризіи сказалъ:

«Между мною и тобою не можетъ быть одинаковости (вафдат), какъ между Хызромъ и Моисеемъ²⁾, тѣмъ болѣе, что я не имѣю полномочія сдѣлать тебя, челоуѣка чуждаго мнѣ міросозерцанія, прозелитомъ исповѣдующаго мною ученія.

1) На причастность къ исмаилизму Шемса, между прочимъ, указываетъ Довлет-Шахъ Самаркандскій, сообщая о его происхожденіи въ своей تذکرة الشعراءъ наиболее интересные свѣдѣнія. Онъ говоритъ, что Шемсъ былъ сыномъ потомка «великихъ царей» Персіи, 'Ала-уд-Діна, который, — по вышеназванному бомб. изданію تذکرة الشعراءъ (стр. 87) — былъ «исмаилитскимъ руководителемъ» (دلیل اسماعیلیان), а въ имѣющемся у меня позднѣйшемъ превосходномъ спискѣ تذکرة الشعراءъ, сдѣланномъ для покойнаго ориенталиста Blochmann'a (стр. 191), 'Ала-уд-Динъ вполне опредѣленно названъ исмаилитскимъ да'и или миссіонеромъ (داعی اسماعیلیه). Потомъ онъ отрекся отъ вѣры своихъ отцовъ, сжегъ все свои еретическія книги и обратился, будто бы, въ проповѣдника ислама «въ замкахъ и городахъ исмаилитовъ». [Срв. تذکرة الشعراءъ въ изданіи Броуна, стр. 195, гдѣ приводится, но съ выраженіемъ сомнѣнія, извѣстіе, будто бы Шемсъ былъ сыномъ исмаилитскаго главы Джелала-уд-Діна (отца 'Ала-уд-Діна), перешедшаго въ православіе. Объ этомъ эпизодѣ исмаилизма (1210—1221) ср. между прочимъ d'Ohsson, Histoire des Mongols, III, 173 и сл. Сынъ Джелала-уд-Діна 'Ала-уд-Динъ, какъ извѣстно, снова вернулся къ религіи своихъ предковъ. Довлет-Шахъ ссылается на سلسلة الذهبъ Джамии, гдѣ это извѣстіе о Шемсѣ отрицалось. Ср. также مجالس المومنینъ гл. 143⁶⁾].

2) Т. е. какъ Моисей не могъ сравниться съ Хызромъ, такъ и ты со мною, ибо слишкомъ велика между нами разница. Намекъ на слѣдующее обстоятельство, — хорошо извѣстное изъ [Корана—XVIII, 59—81 и] агиографической мусульманской литературы, въ жизни пророка Моисея. По просьбѣ евреевъ послѣдній однажды попросилъ Господа сказать ему, есть-ли еще кто-либо такой ученый мужъ, какъ онъ. Богъ ему указалъ «на одного изъ рабовъ своихъ» — Хызра, который гораздо болѣе ученъ и свѣдущъ, чѣмъ Моисей. По указанію Божьему Моисей съ своимъ ученикомъ Иисусомъ Навиномъ (یوشع) отправился разыскивать Хызра, желая поучиться у него. Въ числѣ путевыхъ съѣстныхъ запасовъ они взяли съ собою жареныхъ рыбъ. Дойдя до одного ручья, протекавшаго въ долинѣ, заключенной между горами, пророкъ со своимъ ученикомъ совершили здѣсь намазъ и отправились дальше. Пройдя нѣкоторое разстояніе, рѣшили закусить, но тутъ обнаружилось, что Иисусъ Навинъ забылъ съѣстное у ручья. Они оба рѣшили тогда вернуться назадъ и, дойдя до ручья, увидѣли Хызра, совершавшаго намазъ. По окончаніи его и послѣ обмѣна взаимными привѣтствіями, между Хызромъ и пророкомъ произошелъ разговоръ, въ которомъ Моисей выражалъ желаніе учиться у Хызра, а тотъ отказывался, ссылаясь на величіе Моисея, какъ пророка и собесѣдника самого Бога, который ниспослалъ ему Тору (توره). Когда Моисей сослался на приказаніе Божіе, тогда Хызръ повинился и спросилъ, гдѣ ихъ съѣстное. Они отвѣтили, что забыли у ручья. Хызръ попросилъ ихъ, чтобы они взяли это съѣстное. Пророкъ и его ученикъ нашли лишь хлѣбъ, а жареныхъ рыбъ не было. Хызръ ихъ оживилъ и они рѣшились въ ручей. Пророкъ сталъ просить Хызра снова сдѣлать ихъ жареными. Тотъ исполнилъ эту просьбу, и Моисей съ Иисусомъ Навиномъ закусили этими рыбами. Отпустивъ затѣмъ Иисуса обратно къ сынамъ Израилевымъ, Моисей съ Хызромъ отправились къ берегу моря, гдѣ сѣли на судно. Когда послѣднее было среди моря, Хызръ пробилъ въ суднѣ отверстіе къ великому изумленію

латъ тебѣ, челоуѣка чуждаго мнѣ міросозерцанія, прозелитомъ исповѣдующаго мною ученія».

Вернувшись въ Махаллять къ имаму Муставсыр-и-Йфѣ, Шемс-и-Тебрійзъ оставался тамъ въ теченіе нѣкотораго времени. Однажды, играя съ имамомъ въ шахматы, онъ получилъ отъ Муставсыр-и-Йфѣ неожиданное предложеніе отправиться въ Конію и всячески постараться обращенію въ исмаилизмъ Джелѣл-уд-Діна, освободивъ его отъ тьмы религіозно-философскаго воззрѣнія (аз зулмат-і-дін-і-фајласуфіја). Покорный, какъ и каждый художетъ, волеѣ имамѣ, Шемс-и-Тебрійзъ направился въ Конію. Едва Джелѣл-уд-Дінъ узналъ о его приходѣ, какъ отправился къ нему и опять повторилъ свою просьбу посвятить его въ тайны исмаилизма; при этомъ показавъ Шемс'у тетрадь написанныхъ имъ двустипій (маснаві). Шемс-и-Тебрійзъ, перелиставъ рукопись и посмотрѣвъ написанное, бросилъ ее, не говоря ни слова, въ бассейнъ съ водою, передъ которымъ они оба сидѣли. Удивленный и вмѣстѣ съ тѣмъ страшно разсерженный Джелѣл-уд-Дінъ воскликнулъ:

— Чтѣ ты сдѣлалъ? Я отказываюсь признать тебя за достойнаго челоуѣка, такъ какъ ты своимъ настоящимъ поступкомъ оскорбилъ мои лучшія чувства и унизилъ меня до глубины моей души!

Услышавъ эти слова и видя чрезвычайное раздраженіе Джелѣл-уд-Діна, Шемсъ опустилъ руку въ бассейнъ и вытащилъ рукопись, которая оказалась въ такой цѣлости, что все написанное можно было также хорошо

не сказать ни слова Моисею, почему онъ это сдѣлалъ. Въ ближайшемъ селеніи, куда они пришли и гдѣ многія стѣны построекъ были разрушены, Моисея поразило то обстоятельство, что Хызръ, сбросивъ съ себя платье, сталъ заново дѣлать одну изъ стѣнъ, опять не объясняя причины этого Моисею. Когда пришло время имъ разстаться и Моисей сталъ просить объяснить ему значеніе трехъ совершенныхъ Хызромъ поступковъ, на взглядъ пророка явно бессмысленныхъ, Хызръ разъяснилъ слѣдующее. Судно, въ которомъ они ѣхали, принадлежало бѣднякамъ и люди ѣхали на немъ изъ одного города въ другой, гдѣ владѣтелемъ былъ тиранъ и деспотъ, который каждое крѣпкое и хорошее судно забиралъ себѣ. Испорченное же судно этотъ жадный тиранъ не возьметъ. Родители убитаго Хызромъ мальчика были благочестивые мусульмане, а онъ таилъ въ себѣ природу невірія и когда бы выросъ большой, то сталъ бы убійцею. Въ деревнѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Хызръ работалъ надъ стѣною, было зарыто сокровище, принадлежащее сиротамъ, и близко былъ тотъ моментъ, когда оно могло быть открыто постороннимъ. Поэтому сооруженная надъ нимъ стѣна упрочила сокровенность этого сокровища и сохранила на него право сиротъ до положеннаго времени. Послѣ того Моисей былъ съ Хызромъ въ теченіе восемнадцати дней и каждый день изучалъ съ Хызромъ по десяти вопросовъ. (По принадлежащему мнѣ списку قصص الانبياءъ вѣнзѣстнаго автора (первый листъ отсутствуетъ), на персидскомъ языкѣ, писанному прекраснымъ наста'ликомъ въ городѣ Андохъ (اندخود) 7-го хидже 979 года = 21 апр. 1572 г. по Р. Х.; листы 149—151). Параллельно этому разсказу въ православной церкви служило извѣстное повѣствованіе, столь часто встрѣчающееся въ старинныхъ прологахъ и святоотеческихъ писаніяхъ, объ одномъ преподобномъ и сопровождавшемъ его ангелѣ. (См. стр. 12—16 «Приложеній» къ «Критич. разбору Мухаммед. ученія о пророкахъ», Н. П. Остроумова. Казань, 1874).

читать, какъ будто бумага и не была въ водѣ. Пораженный этимъ чудомъ Желал-уд-Динъ спросилъ Шемс-и-Тебризіи, чѣмъ все это значитъ?

— Ты, конечно, знаешь, что такое кожа плода вообще: если очистить отъ нея плодъ, то онъ будетъ столь же съѣдобенъ, какъ и безъ нея. И написанное тобою столь же имѣетъ значенія для человѣчества, какъ будетъ ли оно сохранено въ цѣлости, или будетъ уничтожено, сказалъ на это Шемсъ. И, взявъ листь бумаги и тростникъ, написалъ слѣдующее двустихіе¹⁾:

بشنو از نی چون حکایت میکند
وز جداییها شکایت میکند

Это двустихіе и положилъ началомъ своихъ «Месневи» Желал-уд-Динъ²⁾, не тѣхъ, которыя онъ показывалъ Шемс-и-Тебризіи и которыя онъ потомъ уничтожилъ, а другихъ, кои сохранились до сего времени и истинный смыслъ которыхъ относится до исмаилитскаго вѣроученія.

هیچ کس از پیش خود چیزی نشد
هیچ آهن خنجرى نیزى نشد
هیچ ملایى نشد مولای روم
تا غلام شمس تبریزی نشد

А. Семеновъ.

1) Такъ именно было имѣ сказано передававшимъ все это и такъ имъ записано (бшнѡ ابن نی چون حکایت میکند * از جداییها شکایت میکند). Самый смыслъ его исмаилитами понимается такъ, какъ написано, безъ какихъ-либо особыхъ толкованій, т. е. «послушай тростниковое перо, когда оно разсказываетъ, жилъ-уся многиа несогласія!». Суфійскій же смыслъ этого двустихія совсѣмъ другой; онъ, между прочимъ, особенно подробно разъясняется въ обширныхъ турецкихъ комментаріяхъ на двустихія Желал-уд-Динъ-Руми, называемыхъ فاتح الايبات, составлен. въ 1035/1625—1626 г. (въ шести большихъ томахъ) шейхомъ Исмаил-ул-Анкиравіи-ул-Мевлевй (см. т. I-й стр. 13 египетскаго изданія этого труда, прекрасно отвѣчатаннаго въ началѣ прошлаго столѣтія въ типографіи египетскаго хедива Мехмедъ-Али-паши). По ироніи случая комментаторъ пѣ подтвержденіе своихъ объясненій этого двустихія приводитъ большую выдержку изъ арабскаго сочиненія врага отца Желал-уд-Дина, имама Фахр-уд-Дина, التفسير الكبير, на тему, что слушаніе (по поводу بشنو) гораздо выше, чѣмъ зрѣніе, и что оно есть условіе пророчества и т. п.

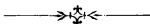
2) Собственно въ «Двустихіяхъ» Желал-уд-Дина началомъ служить арабское стихотворное предисловіе, за которымъ начинаются этими стихами персидскіе.

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ **В. Р. Розеномъ.**

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.
1913 — 1914.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ДВУХЪ ТАБЛИЦЪ И СЪ ДВУМЯ РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ).

ПЕТРОГРАДЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вос. Остр., 9 лнп., № 12.
1915.

Разсказъ шугнанскихъ исмаилитовъ о бухарскомъ шейхѣ Бехъ-уд-Динъ¹⁾.

Среди многочисленныхъ святыхъ «Священной Бухары» первое мѣсто занимаетъ ея патронъ — «ямамъ тарйката, пяръ хакйката п образецъ достойный подражанія въ знаніи шарі'ата»²⁾, Ходжа-Мухаммед-ул-Бохарй, шейхъ Бехъ-уд-Динъ-Шах-и-Накшбендъ. Его гробница въ окрестностяхъ столицы ханства привлекаетъ огромное множество пилигримовъ не только со всѣхъ концовъ Бухары, но и изъ областей нашихъ средне-азиатскихъ владѣній, Афганистана и даже изъ отдаленной Турціи.

Шейхъ родился въ мухарремѣ 718 г. хиджры (въ 1318 г. по Р. Х.) въ селеніи Қаср-и-'Арифанъ (въ одномъ фарсангѣ отъ г. Бухары). Проведя дѣтство и юность въ общеніи съ знаменитыми шейхами своего времени: ходжею Бабъ-Семасіемъ и сейидомъ Мйръ-Куллемъ, а равно подъ влияніемъ своего дѣда, большого друга дервишей, — Бехъ-уд-Динъ съ дѣтства глубоко усвоилъ тѣ мистически-религіозныя исканія, которыя впоследствии привели его на путь высокихъ подвиговъ созерцательной жизни.

Бехъ-уд-Динъ женился на семнадцатомъ году своей жизни. Онъ вмѣстѣ съ отцомъ ткалъ роскошную шелковую цвѣтную ткань «камхъ»³⁾ и рѣзалъ по металлу разные узоры⁴⁾. Затѣмъ исполнялъ обязанности палача при дворѣ

1) Статья проредактирована для печати В. В. Бартольдъ, которому принадлежатъ заключенныя въ квадратныя скобки [] примѣчанія.

2) Такъ онъ названъ въ خزينة الاصفیاء («Сокровищница Чистѣйшихъ»), сост. муфтіи Гулямъ-Мухаммедъ-бекъ-Муфтіи Рахѣм-Улла Лагорскій. — Каунпуръ. 1312/1894. Т. I, стр. 548. Въ имѣющейся у меня старинной рукописи (безъ даты) تاريخ سيد راقم (или تاريخ نام) приводится (л. 36) генеалогія Бехъ-уд-Дина, по которой онъ считается потомкомъ имама Хусейна въ 23-й поколѣній. [Биографія шейха въ рукоп. Учебн. Отд. Вост. яз. л. 27а, ср. Collections scientifiques etc., III, 119; въ рукоп. Петрогр. Унив. № 949 л. 216, гдѣ нѣтъ свѣдѣній о генеалогіи. В. В.].

3) كچخا или كچخاب (по-бухарски камхъ, по-ташкентски кимхъ) — то же, что китайское «камфай» — плотная и довольно толстая шелковая ткань съ цвѣтными узорами, нерѣдко протканными золотыми или серебряными нитями; изъ нея шились самыя богатая одежда. Нынѣ извѣстна въ Средней Азій почти лишь по воспоминаніямъ да по уцѣлѣвшимъ образчикамъ, ибо уже нѣсколько десятковъ лѣтъ, какъ она никѣмъ не выдѣлывается.

4) Отсюда и прозвище шейха نقشبند.

одного из средне-азиатских владѣтелей, султана Халиля¹⁾. Послѣ трагическаго конца послѣдняго шейхъ всецѣло ушелъ въ созерцательную жизнь подвижника; охваченный мистическимъ настроеніемъ, онъ нерѣдко бывалъ «восхищенъ», и разныя чудесныя видѣнія проносились предъ его духовными очами. Подъ вліяніемъ этихъ мистическихъ переживаній онъ научается отъ своего пира, сейида Міръ-Куліля, «тайному зикру» и съ тѣхъ поръ достигаетъ моментовъ соединенія съ Божествомъ не путемъ видимаго экзальтированія себя въ родѣ громогласнаго и многократнаго произнесенія стиховъ Корана въ связи съ ритмическими тѣлодвиженіями, а посредствомъ самоуглубленія и безмолвнаго размышленія о присутствіи Бога въ себѣ. Отсюда послѣдователи шейха получили въ Средней Азіи названіе «хуфія» (خوفیه), т. е. погружающихся въ экстазъ путемъ тайнаго, молча произносимаго, призыванія Бога²⁾.

Не мало путешествуя на своемъ вѣку, Бехъ-уд-Динъ посѣтилъ и священные города Аравіи, и большинство знаменитыхъ тогда городовъ мусульманскаго Востока, причемъ вездѣ старался повидать знаменитыхъ мѣстныхъ суфиевъ и отъ нихъ усовершенствоваться въ стадіяхъ духовной жизни.

Спасая свою душу въ міру, Бехъ-уд-Динъ свято соблюдалъ заветы нестяжанія и полнаго «прощенія». У него не было ни дома, ни земельной собственности; въ его жилищѣ, которое онъ нанималъ, зимою вмѣсто постели служили сухіе листья, а лѣтомъ — старая циновка; изъ посуды у него былъ лишь разбитый глиняный кувшинъ. Не было у него ни слугъ, ни невольниковъ, и когда его спросили относительно отсутствія ихъ, то шейхъ отвѣтилъ: «рабство не совмѣстимо со старчествомъ» (بندگی با خواجگی راست نمی آید).

Удостоившись, по преданію, еще при жизни дара чудесъ и снискавъ огромную популярность среди населенія Мавераннахра, Бехъ-уд-Динъ, почувствовавъ приближеніе смертнаго часа, отправился въ одинъ изъ бухарскихъ каравансараевъ и, занявъ тамъ одну изъ комнатъ, скончался, окруженный своими многочисленными учениками, въ понедѣльникъ 3-го раб' 1 791 г. хиджры (1 марта 1389 г. по Р. X.).

Такова «правовѣрная» и, такъ сказать, обычная біографія знаменитаго бухарскаго святого³⁾. Иначе онъ и его почитатели-бухарцы рисуются въ

1) Халиль до своего возвышенія былъ дервишемъ; Бехъ-уд-Динъ, по словамъ его біографовъ, былъ близокъ къ нему въ теченіе шести лѣтъ его дервишества и шести лѣтъ его царствованія. В. Б.].

2) [Ср. слова «Кавдіе» ذکر دل въ противоположность ذکر بندند, текстъ у В. Бартольда, Туркестанъ, I, 50 сл. В. Б.].

3) [Богае подробно, чѣмъ въ настоящей статьѣ, біографія изложена въ другой статьѣ А. А. Семенова, напечатанной въ сборникѣ, посвященномъ А. Н. Веселовскому, стр. 202—211. Тамъ же приведены свѣдѣнія объ источникахъ. Кромѣ упомянутаго тамъ ابنی العابدینъ Саахъ-ибн-Мубірака ал-Бухарі первосточникомъ для біографіи шейха

представленіяхъ шугнанскихъ исмаилитовъ, заклятыхъ враговъ суннизма и его фанатичныхъ исповѣдниковъ — бухарскихъ суннитовъ. Ниже приводимое исмаилитское преданіе о Бехā-уд-Дінѣ рассказано мнѣ и затѣмъ записано поперсидски однимъ грамотнымъ исмаилитомъ изъ выселка Юмчъ (отъ кишлака Поршиниявъ) на рѣкѣ Пянджѣ, въ Шугнанѣ; оно осмѣиваетъ распространенную въ Бухарѣ склонность къ гомосексуализму, у исмаилитовъ строжайше воспрещенному.

Бехā-уд-Дінъ былъ однимъ изъ святыхъ мистиковъ (از اولیاء صاحب کشف) Благородной Бухары, такъ что чудеса его записаны во многихъ мѣстахъ, ибо былъ онъ «Предотвратителемъ несчастій» (بلا گردان)¹⁾.

Однажды ему пришла мысль отправиться въ хаджъ и, поклонившись тамъ чистѣйшей гробницѣ его святѣйшества послѣдняго изъ Пророковъ, т. е. Мухаммеда, Посла Господня, возвратиться назадъ. Вслѣдствіе этого, собравъ бухарскій народъ, Бехā-уд-Дінъ сказалъ слѣдующее:

— Явилось въ сердцѣ у меня желаніе поцѣловать порогъ усыпальницы Радости Пророковъ. Разрѣшите мнѣ исполнить это, дабы я отправился по влеченію своего сердца. Если буду живъ — я вернусь назадъ.

— О, Предотвращающій несчастья, сказали бухарцы, — необходимо, чтобы ты назначалъ намъ руководителя (عصا کشی), то есть поставилъ бы на это время замѣстителя себѣ.

Исполняя эту просьбу, Бехā-уд-Дінъ назначилъ своимъ замѣстителемъ своего сына, а самъ отправился въ хаджъ. Сынъ шейха былъ необычайно красивъ и излещенъ; вслѣдствіе этого народъ Бухары, по наущенію діавола (да будетъ онъ проклятъ!) захотѣлъ сдѣлать этого молодого человѣка предметомъ своей нечистой страсти (میخواستند بهرامی²⁾ آن بسر کار فحش کنند). И вотъ въ одинъ изъ дней нѣкоторые изъ «братьевъ діаволовъ» (اخوانِ شیاطین) собрались къ сыну Бехā-уд-Діна и спросили:

является также انیس الطالبعین Мухаммеда Нирси (рукоп. Петрогр. унив. № 386). Въ Джаміи біографія шейха занимаетъ стр. 247—250 констант. изд. В. В.].

1) بلا گردان по исмаилитскимъ объясненіямъ (въ разговорѣ со мною у нихъ иногда встрѣчалось это слово) означать святого, угоднаго Богу человѣка, который и послѣ смерти простираетъ свое покровительство на тѣхъ, кто его считаетъ своимъ патрономъ и кто призываетъ его въ несчастія. При этомъ исмаилиты поясняли мнѣ, что, собственно, вѣрованіе въ такихъ святыхъ существуетъ не у нихъ, а у прочихъ мусульманъ, — однако мнѣ въ Средней Азіи среди господствующаго населенія не приходилось слышать это выраженіе. [Ср. въ Джаміи, констант. изд., стр. 247 рассказъ о видѣніи шейха, гдѣ упоминается о дарѣ, полученномъ имъ отъ своего учителя Бабā-Самъіей: ترا آن کرامت کرده اند که بلائی نازل شده از برکت تو دفع شود В. В.].

2) بهرامی.

— Что ты дѣлаешь?

— Я заступаю мѣсто моего великаго отца, отвѣчалъ онъ.

— Скажи, пожалуйста, продолжали пришедшіе, ты знаешь какой либо стихъ изъ Корана относительно (вѣчнаго) спасенія (در باب رستگاری) или нѣтъ?

— Какъ же, знаю.

— Что же это за стихъ? — продолжали допытываться бухарцы.

— «Совершайте молитвы (и) давайте очистительную съ имущества милостыню»¹⁾, отвѣчалъ сынъ шейха.

— Вѣрно, отвѣчали бухарцы, и твой великій отецъ этотъ стихъ неоднократно произносилъ своимъ сладкорѣчивымъ языкомъ (بر زبانِ شکرشان). Но, какъ извѣстно, зекятъ бываетъ двухъ родовъ: имущественный и тѣлесный и если ты не заплатишь зекятъ тѣлесный, то тебѣ нельзя получить съ насъ зекятъ имущественный.

1) Кор. LXXIII, 20: *وَأَقِيمُوا الصَّلَاةَ وَآتُوا الزَّكَاةَ*. Къ сему слѣдуетъ замѣтить, что зекятъ у самихъ намирскихъ исмаилитовъ составляетъ необходимое условіе ихъ религіознаго уклада жизни, причемъ, однако, значеніе его приурочено къ специально исмаилитскимъ воззрѣніямъ. Въ популярной книгѣ, сочиненіе которой приписывается Насыр-и-Хосрову, *وجہ روی دین* или *دین* (т. е. «Лицо Вѣры», въ смыслѣ лицевой, обрядовой стороны религіи), зекяту посвящены главы (کفتار) 28, 29, 30, 31 и 32; самое понятіе зекятъ въ нихъ опредѣляется такъ (цитирую по принадлежащей мнѣ полной рукописи, писанной наста'ликомъ типа «моллаи» въ 1284 году хиджры рукою Мубрака Шѳ изъ кишлака Поршинивъ въ Шугнанъ): *کویم بتوفیق خدای تعالی اندر دادن زکوة پاکیزه شدن مؤمن است و زیادت است مر نفس مؤمن را بدان از بهر آنکه پاکیزه نفس او اندر پاکیزه جسم است و پاکیزه جسم اندر پاکیزه غذاست از حلال و حلال کردن مال اندر بیرون کردن حق خداست* т. е. «Я говорю съ помощью Всевышняго Бога, что дать зекятъ (значить) очиститься правовѣрному и тѣмъ увеличить его духовное богатство (букв. — душу правовѣрнаго), потому что чистота его души — въ чистотѣ его тѣла, а чистота тѣла — въ чистотѣ дозволенной пищи; дозволеніе же имущества (къ обращенію) обусловливается отчисленіемъ изъ него части (въ пользу) Господа Бога» (л. 91, гл. 28). А вышеназванный стихъ Корана *روی دین* (таже гл., л. 91⁶) объясняется такъ: *همی گوید [خدای تعالی] نماز را بجای دارید و زکوة بدهید* и *و بنماز همی طاعت ناطق فرماید از بهر آنکه طاعت ناطق طاعت خداست و بی طاعت* т. е. «говорить (Всевышній Богъ): «стойте на молитвѣ и давайте зекятъ». Предисылалъ молитву, Онъ приказываетъ повиноваться и ѣтику, ибо повиновеніе ѣтику есть повиновеніе Богу, безъ повиновенія же ѣтику нѣтъ покорности (вообще), а онъ, — да будетъ ему миръ! — есть конечная цѣль людей».

Символически же зекятъ означаетъ асаса съ его истолкованіемъ (تاویل) словъ ѣтика, очищающимъ душу отъ сомнѣній и колебаній. И приказаніе Корана «молитесь и дайте зекятъ» необходимо къ исполненію для исмаилитовъ, чтобы быть твердыми во внѣшней доктринѣ ѣтика и въ внутреннемъ ея смыслѣ чрезъ истолкованіе послѣдняго асасомъ, и т. п. разсужденія (листы: 91⁴, 92⁶ и 93).

Исходя изъ строго внѣшней религіи необходимости давать зекятъ, исмаилиты, не смотря на ихъ бѣдность, аккурратно выплачиваютъ его чрезъ своихъ пировъ Ага-Хану въ размѣръ $\frac{1}{10}$ части своего годового дохода, а пиры получаютъ «доброхотныя пожертвованія» въ зависимости отъ благосостоянія пасамаго или мюрида. Это называется *һақъ-и-пир*.

Послѣ продолжительнаго спора относительно безстыднаго и гнуснаго дѣла, бухарцы въ концѣ концовъ всѣ совершили съ сыномъ Бехā-уд-Дйна ... и цвѣтъ лица его, благодаря сему, сталъ другимъ.

Наконецъ настало время возвращенія шейха Бехā-уд-Дйна изъ Мекки, и когда онъ прибылъ въ Бухару, то нашелъ у своего сына весьма измѣнившійся цвѣтъ лица. Онъ спросилъ его о причинѣ сего. Юноша послѣдовательно разсказалъ отцу все случившееся съ нимъ; послѣдній, опечаленный его разсказомъ, воззвалъ къ Богу, говоря: *خدايا اهل فتنه را از زير ديوارش* «Боже, разрушь у нечестивцевъ нязъ ихъ стѣнъ»¹⁾.

И теперь всюду, гдѣ есть люди этой (бухарской) вѣры, до дня Страшнаго Суда виденъ знакъ молитвы шейха на стѣнахъ ихъ жилищъ²⁾, какъ воспоминаніе того порядка, который шейхъ Бехā-уд-Динъ положилъ имѣть бухарцамъ до дня Второго Пришествія.

Послѣ сего случая шейхъ возымѣлъ слѣдующее намѣреніе (*تدبیری*) (*بر انگیزخت*). Онъ взялъ осла и сталъ его дрессировать такимъ образомъ: ежедневно выводилъ его изъ своего жилища къ подножію одного дерева и тайно отъ людей давалъ ему тамъ солому и ячмень. И когда оселъ привыкъ получать ежедневно въ опредѣленное время полагающуюся ему порцію корму только подъ этимъ деревомъ, то если онъ не находилъ себѣ здѣсь пищу, топалъ ногой о землю и издавалъ ревъ, пока ему не давали солому и ячмень; жуя ихъ, онъ успокаивался. Послѣ сего шейхъ за городомъ Бухарою, гдѣ нынѣ находится его гробница, вырылъ подъ землею ходъ длиною въ нѣсколько фарсанговъ и затѣмъ написалъ книгу, имѣвшую тотъ смыслъ, что всякій человѣкъ — рабъ Господа и потому необходимо ему въ молодости нѣсколько разъ уплатить достойному человѣку (*به مستحقّ*) зекātъ собственнымъ тѣломъ, дабы получить спасеніе въ этой и будущей жизни. За нѣсколько дней до нижеописаннаго событія шейхъ отправилъ своего сына въ благословенную Джедду подъ предлогомъ хаджа, а когда приготовленія шейха къ исполненію его замысла были закончены, онъ взялъ

1) Слово *ویران* въ таджикскомъ языкѣ означаетъ *разрушеніе вообще*, а также *помяту*; отсюда глаголъ *ویران کردن* (*ваірѣн кардан*) означаетъ: *разрушить, испортить, помянуть*, въ послѣднемъ значеніи, напр., въ фразѣ: *вај бмад-ӯ-гала ваірѣн кард*, т. е. *онъ пришелъ и помянулъ разговоръ*.

2) Всюду въ Средней Азій заборы вокругъ усадебъ, да и самыя жилища, обычно возводятся не изъ сырцовыхъ (или обожженныхъ) кирпичей, а изъ сырого гесса болѣе или менѣе хорошо убитаго, и, притомъ, безъ всякаго фундамента, прямо на землѣ. Подъ вліяніемъ надземной влаги (отъ дождей или снѣгу) такіа стѣны снизу сырѣютъ и наружный слой ихъ отваливается, благодаря чему онѣ производятъ всюду такое впечатлѣніе, будто снизу ихъ кто то нарочно подкопалъ. При отсутствіи въ такихъ случаяхъ ремонта весьма нерѣдко послѣ сильнаго дождя стѣны обваливаются и давятъ людей и скотъ.

написанную имъ книгу, зарылъ ее подъ тѣмъ деревомъ, гдѣ обычно кормилъ своего осла, и, собравъ бухарскій народъ, сказалъ:

— «Вотъ настало время отправляться мнѣ въ послѣднее путешествіе, т. е. умирать. Когда я уѣзжалъ въ хаджъ, я оставилъ вамъ своего сына моимъ замѣстителемъ, но теперь и онъ уѣхалъ въ хаджъ и Богъ знаетъ — вернется (назадъ) или нѣтъ. Мнѣ обѣщали во снѣ Пророкъ Господень, что мое тѣло (تَابُوتِ مرأ) возьмутъ на небо. А такъ какъ вы являетесь моими вѣрными послѣдователями (مريدِ صادق) то я вамъ покажу «небесную книгу»; и все, что въ ней написано, все — истина, поэтому вы поступайте согласно изложенному въ ней и чрезъ то спасетесь».

Бухарцы, услышавъ это и чрезвычайно любя шейха, заплакали и стали просить показать имъ небесную книгу. Бехъ-уд-Динъ отвѣтилъ имъ на это:

— Не смущайте теперь мой духъ, но пусть каждый идетъ въ свой домъ, а завтра утромъ приходите и выведите моего осла изъ его помѣщенія и тамъ, гдѣ оселъ остановится, топнетъ ногою и зареветъ, вы копайте на томъ мѣстѣ и навѣрняка найдете тамъ книгу.

Народъ послушался этого совѣта и разошелся по домамъ. А когда настала ночь, шейхъ вошелъ въ вырытый имъ подземный ходъ и, съ намѣреніемъ отправиться въ Джедду (вслѣдъ за сыномъ), вышелъ изъ него съ другого конца.

Когда кончилась ночь, народъ, послушный наставленіямъ своего учителя, вывелъ его осла; послѣдній, не ѣвши цѣлую ночь и потому голодный, побѣжалъ по привычкѣ къ тому дереву (гдѣ всегда получалъ кормъ), но, не найдя тамъ ни соломы, ни ячменя, топнулъ о землю ногою и заревѣлъ. Бухарцы сейчасъ же стали копать на этомъ мѣстѣ (землю) и нашли (обѣщанную имъ шейхомъ) книгу; они стали ее читать и поступать согласно написанному въ ней. И въ настоящее время этотъ обычай среди суннитовъ существуетъ, благодаря установленію шейха Бехъ-уд-Діна, а по выше-названнымъ основаніямъ¹⁾, до сего времени всякій отправляющійся на поклоненіе къ нему ѣдетъ непремѣнно на ослѣ.

А. Семеновъ.

1) Т. е. вслѣдствіе роли осла въ нахожденіи «небесной книги».